



ОЦИФРОВАНО
РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«ВСЕННИЙ СБОРНИК»

ЧЕГО МЫ ХОТИМЪ ОТЪ ПОДПРАПОРЩИКОВЪ.

На страницахъ «Русскаго Инвалида» г-мъ А. Бартевымъ помѣщены двѣ статьи и г-мъ «Старымъ Стрѣлкомъ» — одна статья, посвященная вопросу недостаточности настоящей подготовки подпрапорщиковъ. Эти три статьи производятъ впечатлѣніе, что авторы сказали совсѣмъ не то, что хотѣли сказать и что нужно было сказать. Несправедливая же оцѣнка службы сверхсрочныхъ — вызываетъ удивленіе.

Избѣгая полемики, я постараюсь не оппонировать авторамъ, а просто высказать свое убѣжденіе, основанное на болѣе, чѣмъ двадцатилѣтнихъ наблюденіяхъ за ближайшими, лучшими, необходимѣйшими помощниками офицеровъ — сверхсрочными. За это время я привыкъ уважать сверхсрочныхъ болѣе, чѣмъ любой «институтъ» или корпорацію. Мнѣ казалось, что и всѣ, находящіеся въ строю, офицеры относятся съ такимъ же къ нимъ уваженіемъ. А потому стало какъ-то больно за выраженія, будто «подпрапорщика, какъ человѣка простаго происхожденія, можно прельстить только рублемъ» и преимуществами, будто они только «хлопотуны и ходатаи» по устройству своего собственнаго благополучія, будто отъ нихъ нельзя требовать радѣнія объ интересахъ военнаго дѣла; послѣднее будто только — дѣло офицеровъ.

Прежде всего всякій, кто только глубже всматривался въ психологию военной жизни, не могъ не замѣтить, что, главнымъ образомъ, фельдфебель, а за нимъ уже сверхсрочные — точная копія или точное отраженіе своихъ командировъ: какой бы ни былъ первый

командиръ, его фельдфебель становится преданнѣйшимъ его исполнителемъ, проводникомъ его взглядовъ, работъ, другомъ до такой степени, что въ случаѣ переменъ командира, даже въ лучшую сторону, старый фельдфебель не можетъ примириться съ новыми идеями, новыми порядками, и самыя незаконнѣйшія требованія новаго командира, но противорѣчація старымъ порядкамъ, огорчаютъ стараго **служаку**, какъ оскорбляющія его прежній идеалъ (исполнить онъ все исполнитъ, но ему трудно привыкнуть къ новымъ взглядамъ).

Отсюда три вывода: 1) что командиръ посяетъ въ своихъ сверхсрочныхъ, то и пожнетъ... 2) сверхсрочные—преданнѣйшіе, а потому безкорыстные, друзья-помощники своихъ командировъ-офицеровъ и 3) какъ относятся къ интересамъ военного дѣла командиры-офицеры, такъ же будутъ относиться къ этимъ интересамъ и сверхсрочные.

Напротивъ, взгляды въ прошлое говорить, что радѣніе объ интересахъ военного дѣла, забота объ успѣхѣ его, лежали почти исключительно на этихъ, якобы прельщенныхъ только рублемъ и преимуществами, сверхсрочныхъ. Кому это неизвѣстно? Только теперь начинаютъ говорить о томъ, что долгъ для офицеровъ преимущественнѣе всего; но и теперь у насъ даже въ печати раздаются со всѣхъ сторонъ жалобы, что такихъ-то обидѣли формой, такихъ то принизили, тѣмъ даютъ мало жалованья, тѣмъ не хватаетъ на обученіе дѣтей, тѣмъ не хватаетъ на театры и вообще на культурную жизнь, тѣхъ обходятъ чиномъ, тѣмъ мало будетъ пенсія при отставкѣ... Похожи ли всѣ эти «пожеланія» на исключительную любовь къ военному дѣлу? Не прельщаются ли рублемъ, красивой формой, карьерой, будущею знатностью, славой и т. п. личными расчетами «не хлопотуны и не ходатаи», люди «не простого происхожденія»? Наконецъ, чѣмъ объясняли бѣгство офицеровъ изъ арміи?... Такое бѣгство несовмѣстимо съ безкорыстной любовью къ военной службѣ и «службой не изъ-за выгоды».

Я надѣюсь на свѣтлое будущее для нашей арміи, надѣюсь и у насъ среди офицеровъ долгъ станетъ впереди карьеры, но пока, въ видахъ справедливости, не могу не сказать, что сверхсрочные несравненно меньше оказываются ходатаями и хлопотунами по устройству собственного благополучія, нежели мы сами, за немногими исключеніями, заботящіеся прежде всего о своей карьерѣ, а не о военномъ дѣлѣ. Последнее дѣлается какъ бы попутно. Въ самомъ дѣлѣ, кто не разсмѣялся бы надъ тѣмъ наивнымъ простакомъ, который бы заявилъ, что наши офицеры идутъ въ академію

не для своей карьеры, а... изъ «радѣнія объ интересахъ военного дѣла»!

Надо подумать и о томъ, что дается впереди офицерамъ и что сверхсрочнымъ... Я зналъ и знаю многихъ сверхсрочныхъ, которые такъ увлекались строевымъ дѣломъ (вполнѣ безкорыстно), что не сманивались на болѣе выгодныя службы. Но почти не знаю примѣра, чтобы офицеръ остался на военной службѣ, разъ предлагалось лучше оплачиваемое мѣсто, тѣмъ болѣе съ болѣе солиднымъ положеніемъ.

Такимъ образомъ, сверхсрочный проситъ, хлопочетъ, ходатайствуетъ... тоже въ подражаніе намъ, но сверхсрочный идетъ на то, что ему даютъ. Мы же все время плачемъ, что наша служба мало оцѣнивается. Я знаю много примѣровъ, да и кто ихъ не знаетъ, именно любви къ военному дѣлу со стороны сверхсрочныхъ, такой любви, что внѣ военной службы они не знаютъ жизни. Много примѣровъ безкорыстныхъ служаекъ.

Къ сожалѣнію, нынѣ установленъ порядокъ, заставляющій подпрапорщиковъ, сверхсрочныхъ, думать о томъ, гдѣ и какъ имъ жить, когда ихъ черезъ 15 лѣтъ попросятъ больше не беспокоить докладными записками объ оставленіи на сверхсрочной службѣ еще на годъ, хотя и предоставятъ служить въ разныхъ другихъ вѣдомствахъ, въ которыхъ, вѣроятно, не требуется безкорыстія, пылкой, молодой любви къ дѣлу, а потому тамъ можетъ служить и не любящій этого дѣла, оставившій сердце на военной службѣ. Вотъ объ этомъ ненормальномъ порядкѣ выбрасыванія черезъ 15 лѣтъ службы людей, уже привязавшихся къ военной службѣ, опытныхъ, знающихъ, обыкновенно достойнѣйшихъ, и слѣдовало бы возбудить вопросъ, а вовсе не о томъ, что подпрапорщики негодны потому, что на экзаменѣ, не имѣя «свѣтлой памяти», не удержали въ ней кой-какихъ свѣдѣній по географіи или исторіи...

Нѣтъ, не въ программномъ курсѣ общеобразовательныхъ предметовъ лежитъ центръ вопроса подготовки помощниковъ для офицеровъ—подпрапорщиковъ. Чтобы опредѣлить этотъ центръ, надо отвѣтить на вопросы: какаѣ цѣли учрежденія «института подпрапорщиковъ», какой дѣятельности мы ожидаемъ отъ подпрапорщиковъ, вообще—чего мы хотимъ отъ подпрапорщиковъ?

Отвѣты на эти вопросы выяснили бы сразу всю, положительно, смѣшную сторону несоотвѣтствія курса, проходимаго въ школахъ подпрапорщиковъ, и тѣхъ требованій, которыя мы къ нимъ предъявляемъ. Эти же отвѣты дадутъ возможность оцѣнить полную несоотвѣстность и даже ненормальность существующаго положенія

подпрапорщиковъ и вообще сверхсрочныхъ, и позволять напротивъ, придти къ убѣжденію, что если это положеніе продолжится, то цѣнность сверхсрочныхъ будетъ все болѣе и болѣе понижаться и вотъ почему: человѣкъ не можетъ полюбить дѣло на годъ или даже на пятнадцать лѣтъ; полюбить онъ можетъ дѣло только на всю жизнь; а на годъ, или на какъ бы контрактный срокъ—15 лѣтъ, онъ можетъ только заниматься. Если же ему говорить, что черезъ пятнадцать лѣтъ ты будешь къ привычному, тѣмъ болѣе любимому дѣлу, совершенно неспособенъ и тебя волей-неволей отъ этого дѣла навсегда отрѣшати, хотя и предоставятъ еще болѣе прибыльные дѣла, то всякій невольно призадумается надъ тѣмъ, не лучше ли подготовиться заранѣе къ новому дѣлу, а не то и уйти заранѣе, смолоду, когда успѣть можно больше и силъ больше, семьей не связанъ. Подумаешь невольно о томъ, что не стоитъ отдаваться всей душой, чтобы не истощить всѣхъ силъ теперь.

Читатель, увлеклись ли бы вы такой службой, гдѣ васъ принимаютъ ежегодно, на годъ, въ полной зависимости отъ прихоти мѣняющагося начальства, и съ обязательствомъ для васъ черезъ пятнадцать лѣтъ, т. е. къ сорока годамъ сдѣлаться неспособнымъ нести привычную службу и искать другой, хотя и любезно вамъ предоставляемой?

Установленіе для подпрапорщиковъ продолжительности службы въ 15 лѣтъ имѣетъ, по моему, несравненно болѣе плохихъ сторонъ, чѣмъ хорошихъ. Я, лично, вижу въ этомъ только одну сомнительно хорошую сторону, это: возможность для подпрапорщиковъ въ первые годы лично продѣлывать машинную гимнастику... Насколько важно это преимущество молодыхъ подпрапорщиковъ передъ нашими традиционными, такъ высоко еще недавно чествуемыми стариками-фельдфебелями,—предоставляю судить читателю, знавшему этихъ стариковъ въ мирное и военное время. Со своей же стороны, позволю себѣ твердо заявить, что никогда молодой подпрапорщикъ не превзойдетъ старика въ знаніи службы, въ споровкахъ и лучшихъ способахъ исполнить предначертанія своего командира, въ авторитетности по всѣмъ вопросамъ исполненія для чиновъ своей части..., не говоря про драгоцѣнность опыта и установившагося воинскаго духа.

Я, лично, недоумѣваю, почему въ древнее время рыцари могли быть стариками, не говоря про обыкновенныхъ воиновъ? Почему въ прежнее время мы особенно цѣнили старыхъ, сѣдыхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, а теперь не допускаютъ подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ посвящать всю свою жизнь военному

дѣлу? Развѣ въ то время, когда служили на дѣйствительной службѣ 25 лѣтъ, войска служили хуже или любили менѣе, чѣмъ теперь, военную службу? Слышались ли когда жалобы на стариковъ-фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ сверхсрочныхъ?...

Читатели! интересуясь своими вѣрнѣйшими и преданнѣйшими помощниками въ исполненіи военной службы, вы не могли не замѣтить украдкой смахиваемыхъ слезъ стараго служаки-сверхсрочнаго, вынужденнаго проститься навсегда съ тою жизнью, съ тѣмъ дѣломъ, къ которому онъ успѣлъ привязаться всей душой.

Я видѣлъ такія слезы не разъ даже у нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ, ушедшихъ въ запасъ, въ виду полученія прибыльной службы, и случайно наткнувшихся на свою часть или даже другую часть, но того рода войскъ, въ какомъ онъ служилъ. Такъ не «рубль только прельщаетъ» сверхсрочнаго, какъ полагаетъ г-нъ А. Бартевевъ, взявшій въ основу своихъ сужденій недостаточное знаніе экзаменуемыми подпрапорщиками грамматики, географіи и исторіи. Не имѣетъ значенія мѣсто подготовки подпрапорщиковъ, т. е. будутъ ли готовиться при своихъ частяхъ или въ центральныхъ учрежденіяхъ. Мало имѣетъ значенія и максимумъ или минимумъ программного курса теоріи въ школѣ подпрапорщиковъ.

Для того, чтобы подготовить себѣ хорошихъ подпрапорщиковъ, надо только сумѣть вложить въ сверхсрочныхъ зародышъ самовоспитанія и затѣмъ зародышъ самообразованія. Но для этого прежде всего надо измѣнить наше обычное къ нимъ отношеніе...

Пока офицеры очень далеки отъ подпрапорщиковъ.

Надо приблизить подпрапорщиковъ къ себѣ, чтобы дать имъ возможность хотя бессознательно, въ силу врожденнаго инстинктивнаго желанія подражать начальнику, быть похожими на офицеровъ,—перенять офицерскую культурность, благовоспитанность, нравственность, даже тѣ знанія, которыя могутъ быть получены отъ разговоровъ съ болѣе развитыми людьми (нынѣшніе сверхсрочные—не глупѣе, вѣдь, маленькихъ дѣтей; но дѣтей мы стараемся ознакомить со всѣмъ, чѣмъ только можно; такъ же надо дѣлать и со сверхсрочными). А для этого прежде всего надо на военной службѣ забыть про «простое происхожденіе» (развѣ мало славныхъ офицеровъ было простого происхожденія), забыть безповоротно про оставшееся отъ крѣпостнаго права понятіе, что офицеръ—баринъ, а нижній чинъ, хотя бы подпрапорщикъ,—крѣпостной. Въ этомъ направленіи мы никакъ не можемъ сдвинуться и сдѣлать первые шаги. До сихъ поръ насъ очень шокируетъ, если командиръ позволяетъ нижнему чину, даже офицеру, говорить о своемъ происхожденіи, а мы сами не смеемъ говорить о своемъ происхожденіи, а между тѣмъ, какъ въ арміи, такъ и въ обществѣ, происхожденіе играетъ такую важную роль, что оно даже определяетъ судьбу человѣка. Мы не смеемъ говорить о своемъ происхожденіи, а между тѣмъ, какъ въ арміи, такъ и въ обществѣ, происхожденіе играетъ такую важную роль, что оно даже определяетъ судьбу человѣка.

заграницей), но насъ нисколько не шокируетъ, если тотъ же командиръ подаетъ руку любому изъ простонародья, мелкому лавочнику, приказчику магазина, туземцу-инородцу...

Надъ такимъ отношеніемъ какъ бы барина-офицера къ нижнему чину-крѣпостному необходимо придумать для будущей арміи. Это отжило; на войнѣ—этого нѣтъ; не надо же офицеру сторониться нижняго чина и въ мирное время. Правда, самъ законъ по формѣ оберегаетъ эту преграду между офицеромъ и нижнимъ чиномъ, запрещая совмѣстную ѣзду въ вагонахъ, непосредственныя распоряженія надъ нетрезвыми и пр., но только по формѣ; духъ устава, напримѣръ, внутренней службы—другой; иначе и быть не можетъ, такъ какъ офицеры не могли бы узнать внутренней мѣры нижняго чина, его воззрѣнія, симпатіи, отношеніе къ долгу... Офицеру нужно знать не комическую только, для анекдотовъ, сторону солдатской жизни, не только ея показную, формальную жизнь, а именно—его внутреннюю жизнь, хотя бы ради того, чтобы сумѣть дать правильный отпоръ антимилицаризаціонной агитаціи тѣхъ внѣшнихъ элементовъ, которые имѣли возможность стать близко къ народу и сѣяли пронаганду, основываясь на этомъ знакомствѣ съ простолюдиномъ.

До сихъ поръ для офицеровъ, отъ которыхъ скрыта была внутренняя сторона солдатской жизни (офицеръ можетъ сидѣть хоть цѣлые дни въ казармѣ, но сможетъ высмотрѣть только внѣшнія проявленія жизни солдата, а не внутреннія), переводчиками этой внутренней стороны солдатской жизни являлись сверхсрочнослужащіе. Вотъ это и есть естественное назначеніе сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ: быть переводчикомъ въ сношеніяхъ между офицерами и нижними чинами, и передатчиками, и непосредственнымъ орудіемъ исполненія предначертаній и распоряженій начальника-офицера. Вѣдь въ этомъ отношеніи, да и во всѣхъ отношеніяхъ, до сихъ поръ служба сверхсрочныхъ была безукоризненна (Конечно, въ семьѣ не безъ урода, но нельзя исключеніемъ характеризовать всю массу). Теперь вдругъ оказался насущный вопросъ въ подготовкѣ подпрапорщиковъ!

И правда, вопросъ есть, но только не въ неудовлетворительности этой подготовки по программному курсу школы подпрапорщиковъ, а въ ненормальности ихъ положенія и въ томъ, что мы хотимъ только обучить, а надо и воспитать.

А. Дмитревскій.